
СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 63.529(2)-534

О. А. Козлова

СВАТОВСТВО И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПРЕДСВАДЕБЬЯ XVII в. В АСПЕКТЕ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

История изучения русской свадьбы и периода сватовства имеет двухвековую традицию. Из исследований дореволюционных историков необходимо назвать работы Н. И. Костомарова [11], И. Е. Забелина [7, 8], В. С. Иконникова [9]. Описывая общую картину повседневности при рассмотрении материальной стороны жизни русского общества, они первыми подняли проблему ее нравственной составляющей, сконцентрировав внимание на патриархальном укладе. Их последователи создали целый комплекс историко-бытовых и источниковедческих очерков, опираясь на фольклорные источники [39, 40, 41, 42], посадскую литературу [23, 24, 25, 26], очерки иностранных путешественников [4, 17, 18, 21, 37]. Эти исследования не теряют значения для современных этнографов быта, но среди них нет работ, посвященных собственно женской истории, авторов мало интересовали переживания и чувства женщин того времени. Должны были пройти почти три четверти столетия, прежде чем в российской науке появились новаторские работы Н. Л. Пушкарёвой об эмоциональном мире людей предпетровского и петровского времени [27—35, 52]. При этом темы свадьбы много раз касались этнографы — Т. С. Макашина [16], Т. А. Листова [14], ее освещали фольклористы, в частности А. В. Кулагина [13]. Свадебный обряд и предшествующие ему сватовство и «жениховство» заинтересовали зарубежных исследователей Н. Бошковску [50] и Д. Кайзера [51].

В данной статье я ставлю целью применить подходы к использованию давно знакомых источников, впервые апробированные Н. Л. Пушкарёвой, и сфокусировать внимание на теме эмоционально-окрашенного восприятия женщинами лиминального периода перехода от девичества к замужней жизни, не упуская из виду контекста — эпохи начинающейся европеизации заостренного в своей традиционности московитского социума. Задача состоит в том, чтобы актуализировать именно сферу переживаний и чувств женщин и поразмышлять о степени готовности общества к проводимым реформам, о сопротивлении им и насаждении прозападных стереотипов поведения в обществе, о желании сохранить многовековые устои и традиции. Свадьба и предсвадебье в

России петровского времени являют образец традиционной модели русской семьи, где гендерные роли были расписаны и не предполагали инверсий, ритуалы были способом публичного воспитания в женщинах требуемых традицией и православием нравственных качеств. Анализ влияния этих аспектов культуры на повседневную жизнь девушек, выходящих замуж, также входит в задачи настоящей статьи [16, с. 516].

Автором были обработаны материалы сборников житейских предписаний и поучений [5, с. 21—168; 49], религиозные и религиозно-нормативные источники [36], сочинения этнографо-исторического характера [12], записки иностранцев [4, 17, 18, 21, 37], привлечены произведения древнерусской литературы [23—26] и сборники памятников русского фольклора [39—42]. Но, несмотря на многообразие и многочисленность источников, реконструкция эмоционального мира женщин прошлого оказалась нелегкой задачей.

Переход из одной половозрастной группы в другую, группу семейных людей, начинался в России XVII в. с собственно предложения заключить брак, которое и именовалось сватовством. Как во всякой традиционной культуре, предложение это исходило, как правило, от старших в семье, и прежде всего от отца (отцов). Иначе и не могло быть в условиях патриархатного гендерного контракта. Пренебрежение мнением тех, кто должен был соединиться браком, не имело гендерной окраски и в целом характеризовало взгляды общества на незрелых членов социума как неспособных принять самостоятельное решение [15, 25]. Скорее, нежели мнением и согласием жениха или невесты, интересовались мнением и умо-заключениями «значимых других», в первую очередь сваях [16, с. 511].

Если в простонародной среде еще могли быть учтены какие-то эмоциональные соображения, то девушки из знатных семей оказывались в самом незавидном положении, а боярские дочери и вовсе до самого замужества могли воспитываться в закрытых от посторонних глаз теремах [5, с. 37—39, 59—65]. Зарубежные бытописатели XVII в. отмечали, что нередки были случаи подмены невест [21, с. 388]. В русских нарративных памятниках такого рода случаи, однако, не описаны. Девушек из семей победней не спешили отдавать в чужие семьи: патрилокальность предполагала ранние браки сыновей (чтобы их жены могли пополнить число рабочих рук); незамужние дочери, оставаясь в семье, были бесплатными помощницами [38, с. 126]. Брачный возраст, как то характерно для северо-западной европейской брачной модели, был сравнительно высоким: для девушек — 16—19 лет [2, с. 32; 21, с. 299; 46, с. 118], для юношей — 18—20 (и до 25 лет) [4, с. 756; 12, с. 201; 43, с. 101], но немало было и ранних браков [27, с. 79], поскольку куда опасней было не выйти замуж вообще, «засидеться». Девушек воспитывали в стремлении непременно понравиться и быть выбранной; «вековушкам» обычно суждено было быть выданными замуж за вдовцов с детьми [42, с. 61; 51, р. 23]. С надеждой на удачу знатные девушки ходили в церковь, именно там по праздникам их могли заметить сваты, как случилось с царем Фёдором Алексеевичем и его невестой А. С. Грушевской [3, с. 123; 10, с. 79; 19, с. 263—265].

Иностранцы воспринимали обычаи, практиковавшиеся в отношении девушек в Московии, как варварские и деспотичные [21, с. 380—383; 37, с. 24—25], отмечая, что они воспроизводятся и поддерживаются самими женщинами,

прежде всего матерями девушек (достаточно напомнить о поцелуйном обряде [48]; его практиковали не со всеми, а с самыми знатными, желанными и перспективными для семьи). Есть мнение, что поцелуйный обряд не распространялся на невинных девушек, которые были лишь соглядатаями ритуала целования их замужних сестер.

Нам неизвестны случаи (даже в художественной литературе того времени) самостоятельного подбора девушкой жениха, знакомства и сватовства. Эти обязанности лежали на старших, а сами будущие новобрачные до выбора не допускались [41, с. 26—27]. Избранница должна была иметь достойный статус, здоровье и красоту, набожность и покорность [22, с. 189—190; 25, с. 321; 36, с. 62—64; 46, с. 48], быть зажиточной, но не богаче жениха [39], происходить из достойной семьи и рода [9, с. 23—24; 23; 39; 46, с. 48].

О сватовстве говорили иносказательно, щадя девичью скромность и соблюдая приличия. Сваты объявляли о намерениях [12, с. 204; 13, с. 104; 34, с. 129] и вновь, не интересуясь мнением девушки, обсуждали условия сторон, размер приданого и выкупа, время «сговорок» [20, с. 195], срок венчания. После такой беседы родители девушки решали, продолжать ли торг [5, с. 86—88; 38, с. 125], могли поставить ряд условий в отношении соблюдения имущественных прав дочери в семье, уважения ее статуса или избавления от побоев [27, с. 83—84; 32, с. 62—64], а также составить брачный сговор, прообраз которого существовал в Киевской Руси [28, с. 70—74]. Жениха девушка практически не видела и сама была незнакома ему (невеста = не(из)вестная) [34, с. 78]. В редких случаях, когда ее мнением интересовались, она могла отказаться от предлагаемой партии [27, с. 78—79]. Анализируя спектр ее восприятий и чувств, заключаем: она воспитывалась в патриархальном духе повиновения старшему мужчине в семье, покорялась воле семейного патриарха, подтверждавшейся заключением брака. Случаи отказов невест от замужества были почти невозможны, чаще всего отказавшиеся оказывались в монастыре [31, с. 13—14].

Если судить по семье автора «Домостроя» (а именно ее он описывал, по мнению Н. Л. Пушкарёвой), то сразу за решением о возможности выдать девушку замуж отец мог передать будущему мужу плетку — символ власти над дочерью. Подчиненность девушки власти отца и мужа считалась само собой разумеющейся в традиционном гендерном контракте, он подкреплялся конфессиональными нормами (в православии женщина считалась существом «злым» [11, с. 135]). Переживания стремящейся замуж девушки были переживаниями надежд на замену власти отца на власть мужа, заставляли мириться с судьбой и принимать условия подчинения патриархальному укладу общества.

Заочное сватовство подчеркивало объектное отношение к женщине, бывшей не более чем объектом сделки, видом дара в обмене семей. Сговор совершали родственники, обсуждая размеры приданого, имущество и быт молодых. Ритуал сватовства, сложившийся ранее, содержал сходные обряды у всех слоев общества, набор даров для обмена оставался почти неизменным. Договоренность сторон дополняла восприятие женщины социумом в вещественном, объектном ракурсе, если учесть тот факт, что семья жениха, забирая невесту из дома, в виде выкупа компенсировала ее семье утрату «трудового ресурса».

Праздником после «сговорок» было рукобитье, назначаемое за 7 дней до свадьбы [20, с. 198—205; 47, с. 402—407]. Рукобитье подчеркивало граждан-

ский характер сделки двух семей и объектность статуса девушки. Семьи обещали следовать обязательствам («били по рукам»). В ходе рукобיתья пелись песни, в том числе известные этнографам XIX в. причеты [20, с. 200—205], описывающие терзания невесты при расставании с девичеством и родным домом. Рукобיתье могло сопровождаться и трапезой, но ничего гендерно-специфического в ходе ее не обнаружено [6, с. 23]. Совместная трапеза с хлебными изделиями имела характер благопожелания молодым [49, л. 157]. Патриархальный характер гендерного контракта допетровской России сказывается в появлении невесты на рукобיתье не в обычной одежде и убранстве головы, а в платке, скрывающем лицо (невеста как неизвестная): вопрос о браке был вопросом имущественным, решали его, повторяюсь, представители двух семей, а не сами молодые, тем более девушка [50, р. 41]. Девушка на рукобיתье могла отсутствовать вовсе, в отличие от жениха, угощающего гостей и являющегося хозяином будущего дома, достойным членом социума.

Известный ритуал девичника перед свадьбой [45, с. 989—994; 47, с. 418—422] также может быть рассмотрен как серия знаков, подчеркивавших зависимость женщины в семье и ее подготовку к этой зависимости, явной или показной [42, с. 66]. Жених присылал подарки невесте и девушкам, которые складывали их в ларец, среди них (помимо сладостей и притираний) зачастую опять-таки присутствовала плетка. Девушка понимала подчиненное положение, мирилась с ним и воспринимала происходящее как естественное звено цикла повседневности [50, р. 173; 52, р. 58]. Как отдарок она посылала жениху пояс или шарф, связанный или вышитый ею (будущая жена и мать была обязана уметь рукодельничать, показ умений до свадьбы входил в ритуал) [8, с. 258—259].

Определяя время свадьбы, родители исходили из практических соображений, времени года и тех запретов, которые были сформулированы церковными правилами (супружеские отношения в пост были строго запрещены) [28, с. 77; 7, с. 704; 19, с. 126]. Согласно описаниям русских свадеб иностранцами, нет оснований видеть гендерные различия в начале празднования. Жених и невеста именовались «царем с царицею», «князем с княгиней», в роли «бояр» выступали важные для молодых гости [14, с. 102; 49; 44, с. 7—9; 45, с. 992—993].

Сваха перед свадьбой могла — согласно традиционным ритуалам — применить даже магические средства, чтобы отпугнуть от невесты «злые силы» [39; 40, с. 48—49; 41, с. 24—26; 42, с. 62—68]. Брачной комнатой, как известно, служил сенник со снопами вместо матрацев, сверху клались перины. Поскольку от невесты, в отличие от жениха, ожидалось вступление в брак «нерастлившей девство», в доме, где готовились играть свадьбу, всегда было немало предметов, напоминавших кольцо, венец (символ девственности) [33, с. 40]. Тема контроля над женским телом (требование — и очень жесткое! — сохранения девичьей невинности) была темой контроля за будущим имуществом и вопросом о кровной принадлежности его наследника строго тем семьям, которые объединяли капиталы.

Непорочности невесты придавалось огромное значение в русской традиционной культуре. Она связывала именно с нею будущее счастье девушки [33, с. 38—43; 30, с. 123; 35, с. 68—74], обещая за это рождение ею здоровых детей. Родителей, осуществлявших контроль за девичьим телом до брака, чествовали,

зять благодарил их, родственники пели хвалу. Если выяснялось обратное (недогляд за невестой), то позору подвергалась и сама девушка, и ее родители, и близкие. Вопрос о необходимости контроля за поведением девушки и отсутствие таковых стандартов и ожиданий для юноши — яркое проявление устойчивости патриархатных установок традиционной русской культуры [33, с. 40]. Страх потерять контроль за той, что может родить чужого по крови ребенка, заставлял угрожать и девушке, и ее родне самыми жестокими моральными карами [5, с. 122—124; 8, с. 265]. Девушек с рождения воспитывали в страхе потерять невинность, и они действительно (особенно из привилегированных социальных слоев) считали свою девственность ценностью, даримой мужу и обосновывающей свое право войти в его семью [22, с. 192; 47, с. 303—304].

Раздельное следование к церкви к назначенному часу венчания, вождение невесты до момента бракосочетания под платом (покрывалом, фатой) в день свадьбы, особость места рядом с невестой, которое надо было «выкупить» жениху, наличие особой разделяющей жениха и невесту занавески (в более поздний период ушедшей из ритуала) — все эти детали «работали» на усиление различий статусов жениха и невесты. От жениха невинность до брака не ожидалась и не требовалась.

Помимо подчеркнутой неизвестности невесты жениху и каким-либо другим мужчинам, другой деталью, отличавшей статусы жениха и невесты, было внимание к девичьим волосам, косе. Женские волосы и прическа играли сакральную роль в ритуале: причесанная по-женски девушка покидала незамужнюю жизнь, присоединяясь к кругу замужних подруг и родственниц [15]. Длинные, а особенно вьющиеся женские волосы — как сексуальный символ — по обычаю должны были быть самым тщательным образом переплетены в две косы и убраны венцом под кичу, головной убор «мужатицы» [8, с. 261; 31, с. 12; 49, л. 149]. Жемчужная поднизь кики в зажиточных слоях московского общества скрывала даже брови выходящей замуж девушки, так что никто из гостей не мог догадаться о цвете ее волос. Никаких аналогичных требований в отношении внешнего вида жениха не было.

После возложения венца в церкви девушку «раскрывали» [1, с. 81] и гости направлялись вместе с молодыми «гулять свадьбу» в дом жениха. Исключений (свадьба в доме невесты) традиционная культура не знала, сама свадьба была ритуалом передачи власти и контроля за женщиной и ее телом от одного мужчины к другому. Как бы ни правомочна была знатная замужняя женщина в отношении управления хозяйством [8, с. 258; 12, с. 222—225], она не была самостоятельна в вопросе контроля за своим телом, частотой беременностей и рождения детей. Лишь посадская литература и фольклор содержат отголоски грусти женщин в отношении такого своего положения в семье.

Эпоха петровских преобразований наметила лишь первые шаги для нескорых будущих перемен в гендерном контракте. Ими стали изменения в одежде (она сделалась более открытой, а прически — европейскими), в стиле поведения замужних женщин (ассамблеи и присущая им публичность встреч мужчин и женщин), а постепенно и в самом социальном женском самосознании. Однако стремление к контролю за женским телом и женской сексуальностью, скрытых в известных предсвадебных и свадебных ритуалах, продолжало существовать еще не один век.

Библиографический список

1. Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5/6. С. 76—88.
2. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. И. Анонимова. СПб., 1866. 234 с.
3. Давыдов М. Г. Российские государи, 1598—1917. Смоленск : Русич, 2005. 656 с.
4. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I, к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России : история, документы : в 6 т. М. : Мысль, 2003. Т. 1. С. 755—762.
5. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова ; подгот. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова, М. В. Пименовой. М. : Сов. Россия, 1990. 304 с.
6. Ефименко П. С. О Яриле, языческом божестве древних славян. СПб. : Тип. Майкова, 1868. 36 с.
7. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. : Транзиткнига, 2005. 1130 с.
8. Забелин И. Е. Женщина по понятиям старинных книжников // «А се грехи злые, смертные...» : русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — нач. XX в. : в 3 т. М. : Ладомир, 2004. Т. 1. С. 245—271. (Эротика в русской литературе).
9. Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нея. Киев : Унив. тип., 1874. 495 с.
10. Йена Д. Русские царицы (1547—1918). М. : Астрель : АСТ, 2006. 384 с.
11. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск : Русич, 2003. С. 3—278.
12. Котошихин Г. К. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII вв. : сб. / сост. Ю. А. Лабынцев. М. : Сов. Россия, 1984. С. 162—315. (Сокровища древнерусской литературы).
13. Кулагина А. В. «Привыкай, душа Марьюшка...» Свадьбы в Московии // Родина. 1997. № 11. С. 103—106.
14. Листова Т. А. Благословение на брак // Родина. 1997. № 5. С. 100—104.
15. Лурье С. В. Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV—XVII вв. // Отечественные записки. 2001. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=1&article=99> (дата обращения: 15.08.2008).
16. Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русский Север : этническая история и народная культура, XII—XX вв. М. : Наука, 2001. С. 473—574.
17. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века : воспоминания иностранцев / сост. О. Ю. Иванова. Смоленск : Русич, 2003. С. 10—76.
18. Масса И. Краткое известие о Московии // Россия XVII века : воспоминания иностранцев / сост. О. Ю. Иванова. Смоленск : Русич, 2003. С. 77—256.
19. Морозова Л. Е., Дёмкин А. В. Дворцовые тайны : царицы и царевны XVII в. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 384 с.
20. Обычаи и обряды русского народа : от крестин до поминок / сост. И. А. Панкеев. М. : Олимп : Астрель : АСТ, 2008. 539 с.
21. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века : воспоминания иностранцев / сост. О. Ю. Иванова. Смоленск : Русич, 2003. С. 257—486.

22. Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв. / сост. и коммент. А. С. Дёмина // Тр. отд. древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. М. ; Л., 1965. Т. 21. С. 187—193.
23. Повесть о Карпе Сутулове и премудрой жене его // Древнерусская литература : хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. М. : Флинта : Наука, 2000. URL: <http://fidruslitera.ucoz.ru/index/0-337> (дата обращения: 23.02.2009).
24. Повесть о Савве Грудцыне // Русские повести XVII—XVIII веков / под ред. и с предисл. В. В. Сиповского. СПб., 1905. С. 22—38.
25. Повесть об Ульянии Осорьбиной // Древнерусская литература / сост. С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. М. : Дрофа : Вече, 2003. С. 318—326.
26. Повесть о Юлиании Лазаревской (Осорьбиной) // Древнерусская литература : хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. М. : Флинта : Наука, 2000. URL: <http://fidruslitera.ucoz.ru/index/0-299> (дата обращения: 23.02.2009).
27. *Пушкарёва Н. Л.* «Внука моя за Ивана не похотела...» Из истории эмоциональных отношений «новых русских» XVI столетия // Родина. 1996. № 10. С. 78—85.
28. *Пушкарёва Н. Л.* Женщины Древней Руси. М. : Мысль, 1989. 286 с.
29. *Пушкарёва Н. Л.* Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2/3. С. 32—37.
30. *Пушкарёва Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX — нач. XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120—134.
31. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3—17.
32. *Пушкарёва Н. Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55—70.
33. *Пушкарёва Н. Л.* Ценность добрачного целомудрия в традиционной русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4, № 1. С. 33—46.
34. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России, X — нач. XIX в. : невеста, жена, любовница. М. : Ладомир, 1997. 282 с.
35. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М. : Ломоносов, 2011. 216 с.
36. Пятидесятая глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права с комментариями А. С. Павлова // Учен. зап. Императорского Московского университета. Отд. юрид. 1887. Вып. 5.
37. *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Козьме III Тосканскому о Московии / пер. А. Станкевича. М., 1905. 228 с.
38. Роспись о приданом // Русская демократическая сатира XVIII в. / подгот. текстов, коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 124—131.
39. Русские народные пословицы и поговорки // Древнерусская литература : хрестоматия / сост. А. Л. Жовтис. М. : Высш. шк., 1966. С. 12—15.
40. Русские народные пословицы и приметы // Древнерусская литература / сост. Е. И. Рогачевская. М. : Школа-Пресс, 1992. С. 40—52.
41. Русские народные приметы и поверья / сост. В. А. Кульматов, Т. В. Кульматова. СПб. : Тотем : Сана, 1997. 208 с.
42. Русские народные приметы, поверья и предания // Язычество и православие. Народные праздники на Руси / сост. С. А. Михайлов. М. : Центрполиграф, 2004. 157 с.
43. *Семёнова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». М. : Ломоносов, 2009. 192 с.
44. *Смирнов А. Г.* Народные способы заключения брака. М. : Книга по требованию, 2012. 35 с.

45. Смирнов А. Г. Обычаи и обряды русской народной свадьбы // Юрид. вестн. 1878. № 5. С. 981—1015.
46. Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М. : Унив. Тип. (Катков и К^о), 1877. 258 с.
47. Терещенко А. В. История культуры русского народа. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
48. Топорков А. «Мы горели от стыда...» Особенности национального поцелуя // Родина. 1998. № 9. С. 97—100.
49. Чин свадебный. РГБ. Ф. 205. № 340. Л. 145—171 // Электронные публикации ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. 16 окт. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5146> (дата обращения: 16.10.2008).
50. Boskovska N. Die russische frau im 17 jahrhundert. Koln ; Wimar ; Wien : Bohlau-Verlag, 1998. 498 p.
51. Kaiser D. H. Law, Gender and King in Seventeenth-Century Moscow // Russian History. 2007. № 34, unit. 1—4. P. 5—27.
52. Pushkareva N. L. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. New York : M. E. Sharp, Heldt-Prise, 1997. 280 p.

ББК 60.561.23

Ж. В. Чернова

РАБОЧЕЕ МЕСТО, ДРУЖЕСТВЕННОЕ СЕМЬЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблематика поиска и установления баланса между профессиональными, семейными и родительскими обязанностями работающих взрослых является в последнее десятилетие актуальной темой дискуссий в сфере семейной политики, менеджмента и социальных исследований. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать произошедшие изменения в политике государств всеобщего благосостояния в отношении семьи: вопросы оптимизации совмещения профессиональной деятельности и родительства заняли первое место в повестке дня. С одной стороны, политика баланса семьи и работы, а также рабочее место, дружественное семье, выступают ключевыми показателями переформатирования характера отношений между государством и семьей, последняя перестает рассматриваться исключительно как объект патерналистской и/или контролирующей заботы государства. С другой стороны, в поле семейной политики появляется и институционализируется актор «среднего» уровня, позволяющий сократить дистанцию между политической сферой принятия стратегических решений относительно регулирования поведения граждан в сферах занятости, семьи, репродукции и стратегиями и практиками кон-

---

© Чернова Ж. В., 2014

В статье использованы результаты, полученные при реализации проекта «Рабочее место, дружественное семье: корпоративная семейная политика» (грант № 12-01-0018), выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013—2014 гг.